

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-31

И.О. Волков

ИДЕИ РУССКОГО МАСОНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА 1870-х гг.

Рассматривается характер творческого осмысления И.С. Тургеневым идей русского масонства последней трети XVIII в. На материалах повести «Степной Король Лир» (1870) и рассказа «Живые мощи» (1874) устанавливается связь проблематики образов главных героев произведений с положениями отдельных статей журнала масонской направленности Н.И. Новикова «Покойщийся трудолюбец» (1784–1785). Обнаруживается сложность позиции писателя по отношению к религиозно-философскому содержанию журнального издания.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; «Степной Король Лир»; «Живые мощи»; русское масонство; «Покойщийся трудолюбец»; Н.И. Новиков.

В настоящее время всё яснее осознаётся значение масонства как «феномена русской духовной культуры XVIII – начала XIX веков» [1. С. 35]. Особую роль оно сыграло в становлении и развитии как всей отечественной словесности, так и отдельных её представителей. Для молодого Жуковского, к примеру, идеи московского масонства «стали той питательной почвой, которая определила его жизнь и судьбу» [2. С. 179].

Среди обширной литературы о связях творческого наследия И.С. Тургенева с философской и религиозной мыслью XVIII–XIX столетий нет сведений о том, какое место занимают в эстетико-художественном мире писателя идеи русского масонства последней трети XVIII в. и личность одного из главных его идеологов – Н.И. Новикова.

Сознательное знакомство Тургенева с масонской мыслью, вероятней всего, началось в юношеские годы – через чтение богато представленных в его родовой библиотеке печатных изданий Н.И. Новикова. Во-первых, это периодика – журналы «Утренний свет» (1777–1779), «Вечерняя заря» (1782–1783), «Покойщийся трудолюбец» (1784–1785), «Московское ежемесячное издание» (1781), «Городская и деревенская библиотека» (1781), «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791–1793), «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794–1798) [3. С. 20–48]. Во-вторых, словари и сборники – «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих» (1787), «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), «Древняя российская вивлиофика» (1788) [4]. Характер перечисленных журнальных изданий, которые стали выходить в свет сразу после вступления Новикова в масонскую ложу в 1775 г., в большинстве своём сводится к одному – «наполнять истинами, в природе человеческой основание своё имеющими; истинами, от естества истекающими и тем же самым естеством объясняемые» [5]. На первый план выдвигается задача усовершенствования человеческой природы, воспитания души.

Предки И.С. Тургенева по материнской линии, являвшиеся представителями богатого и влиятельного дворянского рода, собиравшим и чтением целого массива масонских книг обозначили свою заинтересованность развернувшейся книгоиздательской дея-

тельностью Новикова. Важно заметить, что в Орловской губернии действовала масонская ложа [6], основанная при содействии И.В. Лопухина, которую дворяне Лутовиновы не могли обойти вниманием. Безусловно, книжное наследство, доставшееся И.С. Тургеневу, вошло и в круг его писательского интереса и было им по-своему осмыслено и проинтерпретировано, включая варианты его использования в качестве необходимого материала в процессе художественного творчества.

Сопряжённость с представителями масонских объединений осознавалась Тургеневым и со стороны отцовской фамилии: очень часто писатель подчёркивал своё отдалённое родство с семьёй известного просветителя-масона, директора Московского университета И.П. Тургенева, хотя фактически их родовые линии не имели общего зачинателя и никак не пересекались между собой. Самому Тургеневу это, вероятно, было хорошо известно, поскольку он достаточно полно изучил историю своих предков по линии отца¹. С.Н. Тургенев, отец писателя, был лично знаком с братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми, с первым находился в дружеской переписке [8. С. 211–217]. А в середине 1840-х гг. с ними познакомился и сам Иван Сергеевич, особенно сблизившись с Николаем Тургеневым², смерть которого в 1871 г. он воспринял очень близко и посвятил этому обстоятельству некрологическую статью.

Рефлексия писателя по поводу знакомства и родства с семьёй И.П. Тургенева, впечатления от личных, чрезвычайно оживлённых бесед с Н.И. Тургеневым не могли пройти бесследно, но в разной степени повлияли на формирование круга его социально-исторических и религиозно-философских взглядов³. Работая над рассказом «Часы» (1875), писатель первоначально называет своего героя – дядю Егора, отправленного Павлом I в ссылку за вольнодумство, масоном. На ошибочность такого отнесения ему указал П.В. Анненков, так как именно к масонам Павел I «благоволил». Тургенев заменил «масона» на «вольтерьянца», подчеркнув в письме к М.М. Стасюлевичу, что этот факт из истории русского масонства ему хорошо известен – «да выскользнуло из-под пера» [7. Т. 14. С. 189].

В 1870 г. И.С. Тургеневым была написана повесть «Степной Король Лир», в текст которой он включил

две значимые цитаты из масонского журнала Н.И. Новикова «Покоящийся трудолюбец» и дал к ним подробное библиографическое пояснение. Через четыре года цикл «Записки охотника» пополнился рассказом «Живые мощи», в котором образ главной героини явно отсылает к названному журнальному изданию. Помимо этого, связь с взглядами русских масонов последней трети XVIII в. можно обнаружить в отдельных текстах «Стихотворений в прозе» (1877–1882). Закономерно возникает вопрос о роли масонских идей и личности Н.И. Новикова в позднем творчестве Тургенева.

В период работы над повестью «Степной Король Лир» в круг чтения писателя активно входил историко-литературный журнал «Русский архив» (1863–1917)⁴. С главным редактором издания П.И. Бартеневым Тургенев вёл деловую переписку, предоставлял ему материалы из семейного архива. С 1867 по 1869 г. в приложении к бартеневскому журналу вышло несколько документальных публикаций по истории России XVIII в., тесно связанных с эпохой Екатерины II. Среди них была обширная работа М.Н. Лонгинова «Новиков и московские мартинисты» (1867), посвящённая масонской деятельности Н.И. Новикова и закономерностям развития русской общественной мысли его времени. Этот капитальный труд стал знаковым явлением своего времени, восстанавливая из забвения значительную фигуру Новикова и масштабную просветительскую деятельность московских масонов. Важно, что 1867 г. на вышедшую книгу отозвался из Парижа сам Н.И. Тургенев, писавший Бартеневу: «Книга г. Лонгинова, которую он мне прислал и которую я теперь читаю, есть весьма замечательное явление в нашей словесности. <...> Меня уже сильно поражает рассказ его. Он представляет нам людей самых честных, добрых религиозных, которые как-то неожиданно воспрянули посреди общества, погружённого в глубокий мрак в нравственном и особенно в гражданском отношении» [11. С. 341].

С Лонгиновым И.С. Тургенев долгое время находился в дружеских отношениях, пока их общественные взгляды кардинально не разошлись. Его работа послужила писателю дополнительным источником многих ценных сведений по истории русского масонства последней трети XVIII в., раскрывая его идейную сущность и выявляя нравственно-психологическую содержательность. Этот факт обретает особую значимость в свете изучения проблематики повести Тургенева о «русском» короле Лире, а также рассказа «Живые мощи».

Личность Новикова в повести «Степной Король Лир» становится символом нравственных и религиозно-философских идей последних трёх десятилетий XVIII в., что выражается через прямое или опосредованное включение в текст произведения материалов двух принадлежащих ему изданий: журнала «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785) [12] и «Библейского и эмблематического словаря» (1786) [13].

Обращение к идеям русских масонов в «Степном Короле Лире» обусловлено рядом обстоятельств. Создание повести с ориентацией на шекспировскую традицию означало усиление драматизма и укрупнение

фигуры обыкновенного героя, ставшего выражением кризиса времени и поисков новых ценностей. Русское масонство Тургенев рассматривает в ряду явлений национальной духовной жизни. Автор обозначил причастность духовных и умственных исканий центрального персонажа повести – необразованного провинциального помещика Мартына Петровича Харлова, его целостного эпического облика – отдельным аспектам теоретических установок русских масонов.

Историей своей жизни герой непосредственно принадлежит к эпохе Просвещения: он родился в 1772 г., застав, таким образом, время правления императрицы Екатерины Великой (запретившей существование тайных организаций) и её сына императора Павла I (прекратившего гонения на масонские общества). Молодые годы главного персонажа пришлись именно на тот период, когда деятельность Н.И. Новикова широко развернулась. Само имя Харлова – Мартын представляет собой разговорную форму православного Мартин, которое прямо соотносится со своим французским вариантом – Мартён [14. С. 192]. Последнее явилось мотивирующей единицей в образовании названия общества мартинистов. В «минуты меланхолии и раздумья», когда главный герой повести «Степной Король Лир» без всякой причины «вдруг начинал скучать», он обращался к «единственной, забредшей к нему в дом книге, разрозненному тому новиковского “Покоящегося трудолюбца”» [15. Т. 8. С. 164].

В журнале масонской направленности «Покоящийся трудолюбец» публиковался материал религиозно-философского, нравоучительного характера, обращавший особое внимание на нравственное самосовершенствование человека и воспитание его души. Из этого журнала Тургенев цитирует два значимых отрывка и даёт к ним подробные библиографические сноски – так происходит текстовая актуализация идейного содержания издания Новикова в повести. Подобные библиографические указания в произведениях Тургенева встречаются достаточно редко, поэтому факт их наличия свидетельствует об особой авторской заинтересованности и сосредоточенности на используемом материале. Помимо «Степного Короля Лира» ссылки на сочинения Н.И. Новикова присутствуют в статье «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» (1842) и в рецензии «“Записки ружейного охотника Оренбургской губернии”. С. А-ва» (1852). В обоих текстах писатель делает отсылку к третьей части «Древней российской вивлиофики».

В момент описания меланхолического состояния Харлова (ещё до раздела имени) Тургенев через закачка Максимку, который «по странной игре случая, умел читать по складам» [15. Т. 8. С. 164], приводит цитату: «“Но человек страстный выводит из сего пустого места, которое он находит в тварях, совсем противные следствия. Каждая тварь особо, сказывает он, не сильна сделать меня счастливым!” и т.д.*» [Там же. С. 165]. К этому отрывку писатель даёт чрезвычайно точную сноску: «*“Покоящийся трудолюбец”, периодическое издание и т.д., Москва, 1785 г. Часть 3-я. Стран. 23, строка 11 сверху». Процитированный

Тургеневым фрагмент взят из статьи «Рассуждение о беспорядках, производимых страстями в человеке, и о средствах, какие в таких случаях употреблять должно» [16]. В ней содержится материал о пагубной страсти гордыни и концепции духовно-нравственного совершенствования, что непосредственно связано с образной составляющей Харлова. В статье противопоставляются два типа личности – благоразумный и страстный. По мысли автора «Рассуждения...», человеку, чтобы достичь счастья и заполнить душевную пустоту, необходимо отречься от своей эгоистической природы и устремиться в сферы высокого – божественного. Достичь этого может человек благоразумный, который говорит себе: «...мои желания суть вечны; все, что не вечно, недостойно моих желаний. Страсти мои бесконечны; всё, что ограничено, есть недостойно моих страстей, один Бог может их удовлетворить» [16. С. 23]. Страстный же человек, наоборот, всячески потворствует своему чувству и желанию: «Не довольно нужного, надобно иметь излишнее» [Там же]. Харлов, осознавая масштабы, до которых разрослась его гордыня, признавая губительность её влияния, готовится начать процесс собственного «преобразования», первым этапом которого станет отказ от имения в пользу дочерей.

Мартына Петровича чрезвычайно волнуют вопросы философского, «вечного» характера. Внешне представляя собой несокрушимого исполина, богатыря, перед которым благоговеет народ, чувствуя себя царём в собственном державе-поместье, он оказывается бессилен и беззащитен перед фактом неминуемого ухода из мира: «Харлов, этот колосс, боялся смерти» [15. Т. 8. С. 165]. Его пугает и в то же время притягивает эта таинственная и непостижимая категория. Харловские раздумья о смерти пересекаются с установками масонского журнала: «Одно только то, что мы пришельцы и странники на земле, может заменить всё» [16. С. 50]; «Но смерть, смерть всё сие уравнивает; она делает столь малое различие между одним и другим, что и узнать не можно. Таким образом, самое лучшее побуждение воздерживаться от страстей есть смерть. Самый лучший в нравоведении наставник есть гроб» [Там же. С. 51]. На интуитивно-чувственном уровне герой пытается для себя открыть смысл смерти, приблизиться к нему. Во время чтения журнала «Покойщийся трудолюбец» «Мартын Петрович качал головою, упоминал о бренности, о том, что всё пойдёт прахом, увянет, яко былие; прейдёт – и не будет» [15. Т. 8. С. 165]. Харлов принимает значение смерти как абсолютного уравнивателя, перед силой которого не может устоять никто – даже такой колосс, как он. Признавая бренность и тщетность всего земного, Мартын Петрович «для предупреждения и исправления непорядков, производимых страстями...» [16. С. 27] в нём, решается следовать тем правилам, которые находит в журнале Новикова: «убегать торопливости, и останавливать своё рассуждение» [Там же], «восходить до самого источника воспитания нашего» [16. С. 28], «убегать предметов, которые его [человека] движут и колеблют» [Там же. С. 34]. Однако эти намерения, совершенно не согласуясь с истинностью его эгоистической природы, вступают с ней в серьёзное противоречие.

Уже после совершённого раздела имения, в момент изображения душевного расстройств и смятенных чувств Харлова Тургенев снова вводит цитату из журнала «Покойщийся трудолюбец»: «Смерть есть важная и великая работа натуры. Она не что иное, как то, что дух, понеже есть легче, тоньше и гораздо проныцательнее тех стихий, коим отдан был под власть, но и самой электрической силы, то он химическим образом чистится и стремится до тех пор, пока не ошутит равно духовного себе места...» [15. Т. 8. С. 191]. Затем писатель делает указание: «См. “Покойщийся трудолюбец”, 1785, III ч. Москва» [Там же]. Прочитанный фрагмент – это часть статьи о смысле земного бытия / небесного бытия – «Письмо с того света в Москву от Муимиага к сыну малых земли Муравью, живущему в Муравейнике» [17]. Через неё в повести представлено противоречивое единство жизни и смерти, драма человеческого выбора. Харлов, встав на путь «преобразования» собственной эгоистической природы, внутренне не может окончательно согласиться с тем, что ему нужно смирить «уверенность в себе, в своей неограниченной и несомненной власти» [15. Т. 8. С. 180]. Он ждал, что после раздела имения будет «себя легче чувствовать» [Там же. С. 188], и у него появится, наконец, возможность «о душе помыслить и к смертному часу как следует приготовиться» [Там же]. Однако желаемого облегчения герой не получает – Мартына Петровича начинают терзать сомнения, будут ли Анна и Евлампия по-прежнему верны отцовской воле. Пугает Харлова и мысль, высказанная Сувениром: проявленное им «великодушие» обернётся тем, что «его, раба божия, голой спиной... да на снег» [15. Т. 8. С. 186]. Причиной такого смятения явилась несколько не уменьшившаяся гордыня Харлова: он «привык всех людей считать недорослями», очень «на себя надеялся и решительно никого не боялся» [Там же. С. 161]. Возможность какого-либо несогласия или прекословия со стороны его дочерей, а тем более – жестокая неблагодарность, только распаляют его гордость и самонадеянность.

Харлов не может окончательно примириться с мыслью о конце жизни, испытывая страх перед фактом неминуемой смерти. Ему не удаётся совершить «важную и великую работу натуры», о которой он узнаёт из масонской книги. Характер героя – вспыльчивость, раздражительность, высокомерие, пренебрежение – контрастно противостоит тем требованиям, что были выдвинуты автором «Рассуждения...». Великодушие, с которым Харлов совершил раздел имения, обернулось для него жестокой обидой, вынести и простить которую он оказался не в состоянии. Затронутые гордость и достоинство потомка «вшеда Харлуса», служившего царю, восстают против жизненной несправедливости. Бунт Мартына Петровича – это не только месть дочерям («Не будет у них крова!») [Там же. С. 212], но и попытка продемонстрировать и вновь доказать свою силу и значимость. Одновременно это является способом, которым Харлов пытается вырваться из несвободы – «рук вороного коня, Смерти, отменяющей все расчеты» [18. С. 106].

Для дополнительного акцентирования проблематики соотношения жизни и смерти и наглядного

изображения трагической сложности человеческого существования Тургенев вводит в описание меланхолического состояния героя важную художественную деталь – религиозно-мистический знак, находящийся в комнате Харлова: «...картинка, изображавшая горящую свечу, в которую со всех сторон, напрягши щеки, дуют ветры; внизу стояла подпись: “Такова жизнь человеческая!”» [15. Т. 8. С. 165]. В «немеланхолическое» время Мартын Петрович «перевёртывал её лицом к стене, чтобы не смущала» [Там же]. Не исключено, что эта иллюстрация могла быть подсказана Тургеневу материалами словаря масонских эмблем и символов, который в 1786 г. (в переводе с немецкого) был издан Новиковым [13].

На мистическую природу вещей члены масонских объединений обращали особое внимание. О возможности связи земного и небесного миров, явлении людям духов, которые предупреждают и предостерегают их, говорится во второй упомянутой выше статье из журнала «Покоящийся трудолюбец». По утверждению В.Н. Топорова, в последних произведениях Тургенева, где повествование проникнуто «по большей части мрачной поэзией» [19. С. 127], слышится «ужас перед неизбежностью надвигающейся смерти» [Там же]. Это заключение можно справедливо отнести и к повести «Степной Король Лир», главный герой которой также испытывает подобный ужас и тоже оказывается погружён в мистические размышления. Значительную роль в трагическом мироощущении Харлова и драматическом повороте его судьбы сыграли сновидения и предчувствия. Объявив себя сновидцем, Мартын Петрович говорит матушке рассказчика о случившемся с ним «сонном мечтании»: «в комнату ко мне вбѣг вороной жеребѣнок. И стал тот жеребѣнок играть и зубы скалить. Как жук вороной жеребѣнок. <...> И как обернѣтс вдруг этот самый жеребѣнок, да как лягнѣт меня в левый локоть, в самый как есть поджилок! Я проснулся – ан рука не действует и нога левая тоже» [15. Т. 8. С. 175]. Это явление герой принимает за соответствующий знак – предостережение о смерти: «Готовься, мол, человече!» [Там же], поэтому оно стало одним из толчков к совершению раздела имения: «чтоб та самая смерть меня, раба божия, врасплох не застала» [Там же].

Однако суеверные предчувствия не оставляют Харлова и после: «как начну я засыпать, кричит кто-то у меня в голове: “Берегись! берегись!”» [Там же. С. 188]. Сомнения и страх, терзающие Харлова, не позволяют ему достичь того «преобразования», к которому он стремился. Все чувства и переживания – от страха и обиды до ненависти и презрения – сливаются у него воедино, распаляя главную страсть – гордыню, что впоследствии приводит к трагическому концу.

Если для Харлова на переломном этапе его жизненного пути идеи русских масонов о совершенствовании личности, отказе от мирской суестьи и сосредоточении на сфере духовного оказываются во многом актуальны, и герой даже пытается им следовать (терпя при этом абсолютный крах), то у автора они вызывают очень неоднозначное отношение. Тургенев, принимая нравственно-этический, философский аспекты масонского учения и интересуясь его таин-

ственной стороной, решительно не приемлет чрезмерной религиозно-мистической и аскетической направленности масонского учения. Полный отказ от всех сфер земного существования, включая и творческую, художественную составляющую, воспринимается им как противоречащее естественной природе человека. Такая позиция выражена в тексте, во-первых, через ироническое описание процесса чтения журнала Новикова: «Максимка, который, по странной игре случая, умел читать по складам, принимался, с обычным перерубанием слов и перестановлением ударений, выкрикивать фразы» [15. Т. 8. С. 164], во-вторых, через отношение второстепенного героя – матушки рассказчика – к содержащимся в журнале материалам: «прочла этот пассажик раза два, воскликнула: “Тьфу!” – и бросила книгу в сторону» [Там же. С. 191].

Наконец, в тексте повести одному из героев приписывается причастность к тайной масонской организации. Дважды Сувенир с полной уверенностью говорит о том, что стряпчий, участвовавший в совершении раздела харловского имения, – это «первый по губернии масон» [Там же. С. 180]. Он описан как «сухопарый человек с длинным лицом, узкими бакенбардами от уха к носу, как их нашивали при Александре Первом», который «всѣ двигал и поводил губами, не разжимая их» [Там же], – характеристика стряпчего представлена в явно карикатурном виде. Однако чрезвычайно важно, что именно этот герой (после слов Сувенира) высказывает Харлову сомнение в верности его дочерей: «вместо должной благодарности, да выйдет такой afront» [Там же. С. 186]. Реакция Мартина Петровича на это замечание весьма красноречиво говорит об уже зародившемся в нём сомнении.

В рассказе «Живые мощи» Тургенев не даёт цитат и специальных указаний на журнал Новикова, но судьба главной героини демонстрирует своеобразный вариант реализации не случившегося с Харловым смирения и абсолютного принятия смерти. Связь с содержанием «Покоящегося трудолюбца» обнаруживается на уровне проблемы соотношения телесного и духовного. Через образ крестьянки Лукерьи реализуется масонская идея внутреннего преображения человека: драма физического увядания (смерти) превращается в духовный акт всепобеждающей радости.

Проблематике рассказа отвечает содержание журнальной статьи «Письмо с того света в Москву от Муимиага к сыну малая земли Муравью, живущему в Муравейнике». Этот небольшой трактат написан в исключительной религиозно-мистической тональности, хотя его проповедная форма не лишена элементов образности (многочисленные сравнения, эпитеты и метафоры). Для построения образа главной героини Тургенев использовал некоторые ключевые положения этой публикации. Так, в рассказе звучит масонская идея ничтожности телесной сущности человека: «Мне казалось, что тело, сей бывший мой товарищ, никогда не был моим товарищем. Ведай, любезный друг, что тело нечто иное было для меня, как темница с решетчатым окном» [17. С. 214]. Осознание тела как вынужденной темницы приходит и к героине рассказа, но происходит это не посредством личной духов-

ной практики, а в результате случившегося с ней несчастья: «...мне почудилось: зовет меня кто-то Васиним голосом, тихо так: “Луша!...” Я глядь в сторону, да, зная, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз – да о землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому – скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри – в утробе – порвалось...» [15. Т. 3. С. 329].

Вторым важным аспектом оказываются упоминаемые в статье «Ангелы земные» – это «блаженные духи, которые в малом угле, или под соломенной иногда кровлею в безмолвии или простоте учатся быть таковыми, каковыми должны быть» [17. С. 222]. Лукерья уподобляется такому «духу на земле», она становится аскетом в миру: «так лежу я себе, лежуполеживаю – и не думаю; чую, что жива, дышу – и вся я тут. Смотрю, слушаю» [15. Т. 3. С. 331]; «...словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я – живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмет меня размышление – даже удивительно. <...> Придет, словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было – не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди – ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья» [Там же. С. 333]. Однако «подвижничество» Лукерьи – это не столько способ единения с Богом, сколько желание не быть ни для кого обузой и возможность в одиночестве найти избавление или хотя бы облегчение своим страданиям.

Наконец, в статье говорится о явлении ангелов праведным людям, они «...нисходят к смертным <...> к благим человекам, живущим в сей тёмной точке, и с ними беседуют в хотениях, воображениях и мыслях» [17. С. 218–219]. Лукерья (как и Харлов) оказывается сновидцем, в маленькой тёмной «келье» её посещают сны, которые она принимает за видения. Ей являются сначала Христос, полностью противоположный иконописным изображениям, затем умершие родители и сама смерть, назначившая ей час кончины – «После, мол, петровок» [15. Т. 3. С. 336].

Одним из оснований, на которое опираются этико-философские принципы русского масонства, является христианство. Но масонские идеи лишены христианской (православной) ортодоксальности и имеют ярко выраженный мистический характер. Смешение православных убеждений с верой в таинственную сущность вещей обнаруживается и в сознании Лукерьи. В своём восприятии окружающего мира героиня сопрягает религиозное и народное (в том числе природное) начала. С позиций религиозности Лукерья в положении личной трагедии выбирает не ропот и отчаяние, а долготерпение и веру в неизбежность случившегося несчастья. Но с другой стороны, она совершенно органично входит в мир природы и существует во многом именно за счёт него, организуя его для себя с позиций народных представлений. Практически полностью отказавшись от сферы человеческого общения, Лукерья становится частью естественной (животной и растительной) системы. Синтез народно-природного и христианского элементов несёт смысл обретения Лукерьей духовной свободы и гармонии.

Столь же неоднородными являются имя героини и прототипическая природа её образа. «Лукерья» – это народный вариант формы «Гликерия», что в переводе с греческого – *glykeros* – означает «сладкий» [14. С. 102]. Такая знаковая номинация подчёркивает драматизм судьбы Лукерьи: «сладость», заключённая в имени, сталкивается с горечью случившейся беды. Но героиня преодолевает это противоречие, смирившись со своей судьбой: «...а что я стану господу богу наскучать? О чем я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал он мне крест – значит, меня он любит. Так нам велено это понимать» [15. Т. 3. С. 332].

Образ Лукерьи Тургенев создаёт не только на основе личного биографического материала (воспоминания о крепостной крестьянке Клавдии из имения Варвары Петровны), но и за счёт фактов историко-религиозного характера. Возможно, писатель обращается к истории о русской святой Гликерии Новгородской. Среди немногочисленных сведений о мученице Гликерии сохранилось упоминание о моменте обретения её нетленных мощей. Это произошло сразу после разорения Новгорода опричным войском, причём присутствовал при обретении мощей и сам Иван Грозный: «...тут был тут царь прославленный Иван Васильевич всея Руси» [20. С. 192]. В иконографии святая представлена «юной девой с округлым лицом, непокрытой головой и спускающимися на плечи волнистыми волосами с прямым пробором» [21. С. 576]. Юной девой умерла и Лукерья, сохранившая «сквозь бронзу лица» [15. Т. 3. С. 334] следы былой красоты.

Позиция, противоположная смирению и долготерпению Лукерьи, выражена героем-рассказчиком. Встретив давно знакомую ему крестьянскую девушку, он испытывает чувства смешанные и противоречивые – удивление, страх, жалость, ужас, изумление, восхищение и т.д. Его сильно поражает то, как может ещё сохраняться жизнь в этом мертвенном существе. Пётр Петрович (герой-рассказчик) приходит в изумление не только от того, что Лукерья «рассказ своё вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» [Там же. С. 329], но и потому, что она способна в своём положении находить что-то радостное, даже забавное и удивительное. Он видит, как умирающая девушка совершенно по-иному (с его рациональной точки зрения) организует для себя мир, но у него нет возможности во всей полноте понять и принять это. Поэтому рассказчик может предложить ей только практическую помощь – устроить в хорошую больницу и достать для неё опиум, избавляющий от мук и бессонницы. Есть в его восприятии и страх увядания и смерти, с которыми смириться он не хочет и не имеет сил.

Представленный в рассказе «Живые мощи» образ крепостной крестьянки Лукерьи через соединение религиозных и фольклорных черт достигает уровня национального обобщения. В создание такой масштабной образности внесли свой вклад и религиозно-нравственные идеи о соотношении жизни и смерти, тела и духа из статьи журнала «Покойщийся трудолюбец». Непримируемость драмы существования Лукерьи разрешается в смирении и созерцательном единении с

природой. Простая крестьянская девушка выказывает способность на великий духовный подвиг.

Отголосок нравственно-философских идей русских масонов можно обнаружить и в отдельных текстах «Стихотворений в прозе». Так, стихотворения «Христос» (1878), «Монах» (1879) и «Молитва» (1881) объединяются темой веры, но не в узко религиозном, церковном значении. Веры как средства внутреннего постижения человеком самого себя и достижения им гармонии существования. Кроме того, в этих трёх произведениях звучит и тема таинственности, непостижимости истины, которую Тургенев, подытоживая, передаёт в «Молитве» словами Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио...» [15. Т. 10. С. 172]. Также примечательно, что образ Христа, запечатлённый в одноимённом стихотворении, чрезвычайно сходен с тем описанием, которое даёт Лукерья: на первый план выступают предельная простота (обыкновенность) и всеобщность его облика.

Таким образом, содержание статей масонского журнала Новикова послужило Тургеневу в качестве значимого материала в оформлении проблематики произведений 1870-х гг. и в создании образов главных героев.

Идеи русских масонов, включаясь в общий историко-культурный контекст, привлекали писателя своим нравственно-этическим (совершенствование личности) и философским (проблема человеческого существования) содержанием. Интерес Тургенева к таинственно-мистической стороне масонского учения был обусловлен его неоднозначным и противоречивым, но очень внимательным отношением к сфере необъяснимого, загадочного и непостижимого. Через причастность Харлова и Лукерьи к решению вечных вопросов жизни и смерти автор раскрывает драму существования современного человека – простого, непосредственного и обыкновенного. Не принимая доктринальный и аскетический характер масонского учения, писатель даёт два варианта реализации этих установок на практике с разным исходом. С опорой на шекспировскую образность провинциальный помещик и крепостная крестьянка становятся на уровень общенациональных типов. Биографическая сопричастность самого И.С. Тургенева значимым событиям отечественной истории и его личное соприкосновение с непосредственными участниками тайных масонских объединений формируют особый социальный пласт.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В письме к П.Н. Полевому, сообщая сведения для «Истории русской литературы в очерках и биографиях» (1874), И.С. Тургенев писал: «Из исторических лиц, принадлежащих к его фамилии, дорожит особенно двумя: тем Петром Тургеневым, который обличил Лжедмитрия и за это обличение был в тот же день казнен на лобном месте в Москве, – и тем шутком Петра Великого, Яковом Тургеневым, которому пришлось в новый 1700-й год обрезать ножницами бороды бояр: он по-своему тоже служил делу просвещения» [7. Т. 12. С. 230–231].

² Н.И. Тургенев в письме к брату сообщал: «У нас был здесь (за 3 или 4 недели перед сим) наш однофамилец, бывший в Берлине Бакунин и проч. Очень неглупый и порядочный человек. Он поехал в Marseille, зимою возвратится в Париж» [9. С. 277].

³ В книге Н.Н. Берберовой «Люди и ложь. Русские масоны XX столетия» утверждается, что в 1860-е гг. Тургенев вступил в масонскую ложу в Париже под названием «Биксио» [10. С. 19]. Однако сколько-либо достоверных сведений, подтверждающих это, нет. Во втором издании Полного собрания писем писателя опубликовано письмо Тургенева к человеку по имени Биксио – Джакомо Алессандро. В Указателе имён и названий значится, что это «политический деятель и ученый, старший брат Д.Н. Биксио, сподвижника Гарибальди», с которым Тургенев познакомился «при посредстве П. Мериме в апреле 1861 г.» [7. Т. 4. С. 693]. Подлинных данных о связях братьев Биксио с масонскими организациями Парижа также нет.

⁴ Тургенев писал в письме к И.П. Борисову: «А “Русский архив” я и здесь изучаю всласть и совершенно понимаю Ваше пристрастие к этому изданию» [7. Т. 8. С. 79] и П.И. Бартеневу: «“Русский архив” я получаю аккуратно» [4. Т. 10. С. 55].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. М.: Жираф, 2000. 216 с.
2. Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. / отв. ред. В.И. Сахаров. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 179–192.
3. Балыкова Л.А. Периодические издания Мемориальной библиотеки И.С. Тургенева (1754–1825) // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. I / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. СПб.: Альянс-Архео, 2009. С. 20–48.
4. Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Ч. 1: Каталог: книги на рус. яз. / сост. Л.А. Балыкова. Орел: Изд-во ОГТРК, 1994. 208 с.
5. Утренний свет. СПб., 1777. Ч. I. 385 с.
6. Орловские масоны. 1747–1941 гг. Из истории общественных организаций / А.Ю. Саран, О.А. Саран. Орел: Картуш, 2010. 542 с.
7. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1982 (издание продолжается).
8. Громов В.А. Секретное наблюдение за С.Н. Тургеневым и его письма к А.Н. Тургеневу // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Л.: Наука, 1967. Т. 3. С. 211–216.
9. Тарасова В.М. О времени знакомства Тургенева с Н.И. Тургеневым // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Л.: Наука, 1964. Т. 1. С. 276–278.
10. Берберова Н.Н. Люди и ложь. Русские масоны XX столетия. Харьков: Калейдоскоп; Москва: Прогресс-Традиция, 1997. 400 с.
11. Декабристы / ред. Н.П. Чулкова. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1938. 566 с.
12. Покоящийся трудолюбец. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1785. Ч. 3.
13. Этингер Ф.К. Библейский и эмблематический словарь. М., 1786. 336 с.
14. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. М.: Русские словари: Астрель, 2005. 477 с.
15. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 1978–1986.
16. Рассуждение о беспорядках, производимых страстями в человеке, и о средствах, какие в таких случаях употреблять должно // Покоящийся трудолюбец. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1785. Ч. 3. С. 1–55.
17. Письмо с того света в Москву от Муимиага к сыну малая земли Муравью, живущему в Муравейнике // Покоящийся трудолюбец. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1785. Ч. 3. С. 213–224.
18. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 91–107.
19. Топоров В.Н. Странный Тургенев. Четыре главы. М., 1998. 192 с.
20. Полное собрание русских летописей / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 1965. Т. 30. 239 с.
21. Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2012. Т. XI. ГЕОРГИЙ-ГОМАР. 752 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 декабря 2016 г.

THE IDEAS OF THE RUSSIAN MASONRY IN I. TURGENEV'S WORKS OF THE 1870S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/415/1

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Keywords: I. Turgenev; *A Lear of the Steppes*; “The Walking Corpse”; Russian masonry; *Pokoyashchiysya trudolyubets*; N. Novikov.

The article discusses the question of the role and place of the Russian mason ideas of the last third of the 18th century in the works of the 1870s of I. Turgenev. Directly or indirectly, *A Lear of the Steppes* (1870) and the story “The Walking Corpse” (1874) include references to the mason journal *Pokoyashchiysya trudolyubets* (1784–1785). It gives the right to raise the question of the creative interaction principles of the writer with religious, philosophical and moral mason orientations. The text about a Russian king Lear is directly set towards Shakespeare’s tradition, and Turgenev includes two fragments from the journal articles of N. Novikov’s edition – “Argumentation about disorders made by men’s passion and about measures to take in such cases” and “A letter from the other world to Moscow from Muimiag to the small earth son Ant who lives in the Ant hill” in this text. The writer gives footnotes with a very detailed bibliographical description to the quoted extracts. The content of the two articles from *Pokoyashchiysya trudolyubets* correlates with the problems of the story’s main character – Martyn Kharlov. The proud and powerful landlord, guided by the mason journal instructions, attempts to abase his selfish nature, to reform his personality and to educate and improve his soul. One of the acts of the transformation is division of his estate between two daughters. However, Kharlov does not execute the program of self-perfection, firstly, because the character cannot refuse his power and will and, secondly, because of his idea about an inevitable death that he cannot put up with. In the story “The Walking Corpse” Turgenev does not give any quotes or any special references to Novikov’s journal. Nevertheless, the main character’s destiny demonstrates an original variant of Kharlov’s story. The connection with *Pokoyashchiysya trudolyubets* is found at the level of the correlation of the corporeal and the spiritual. The mason idea (of the internal person’s transformation: the drama of the death turns into a spiritual act of the all-conquering joy) is expressed in the countrywoman Lukerya’s image. Turgenev’s attitude to the mason ideas is extraordinary complex and ambiguous. The writer considers the Russian masonry as a national spiritual phenomenon. He acknowledges its significance in the philosophical and moral aspects. However, he does not accept the mason religious, mystic and ascetic teaching. The writer perceives the complete refusal from all spheres of the earth existence as a contradiction to human nature.

REFERENCES

1. Sakharov, V.I. (2000) *Ieroglify vol'nykh kamenshchikov. Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka* [Hieroglyphics of Freemasons. Masonry and Russian literature of the 18th – early 19th centuries]. Moscow: Zhiraf.
2. Yanushkevich, A.S. (2000) V.A. Zhukovskiy i masonstvo [Zhukovsky and masonry]. In: Sakharov, V.I. (ed.) *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX v.* [Masonry and Russian literature of the 18th – early 19th centuries]. Moscow: Editorial URSS.
3. Balykova, L.A. (2009) Periodicheskie izdaniya Memorial'noy biblioteki I.S. Turgeneva (1754–1825) [Periodicals editions of the Memorial Library of I.S. Turgenev (1754–1825)]. In: Generalova, N.P. & Lukina, V.A. (eds) *I.S. Turgenev. Novye issledovaniya i materialy* [I.S. Turgenev. New research and materials]. Vol. 1. St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.
4. Balykova, L.A. (ed.) (1994) *Biblioteka Ivana Sergeevicha Turgeneva* [Library of Ivan Turgenev]. Vol. 1. Orel: Izd-vo OGTRK.
5. *Utrenniy svet*. (1777). I.
6. Saran, A.Yu. & Saran, O.A. (2010) *Orlovskie masony. 1747–1941 gg. Iz istorii obshchestvennykh organizatsiy* [Oryol Masons. 1747–1941. From the history of NGOs]. Orel: Kartush.
7. Turgenev, I.S. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
8. Gromov, V.A. (1967) Sekretnoe nablyudenie za S.N. Turgenevym i ego pis'ma k A.N. Turgenevu [Secret surveillance of S.N. Turgenev and his letters to A.N. Turgenev]. In: Izmaylov, N.V. & Nazarova, L.N. (eds) *Turgenevskiy sbornik: Materialy k Polnomu sobraniyu sochineniy i pisem I.S. Turgeneva* [Turgenev collection: Materials for the complete collection of works and letters of I.S. Turgenev]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
9. Tarasova, V.M. (1964) O vremeni znakomstva Turgeneva s N.I. Turgenevym [On the time of Turgenev’s acquaintance with N.I. Turgenev]. In: Izmaylov, N.V. & Nazarova, L.N. (eds) *Turgenevskiy sbornik: Materialy k Polnomu sobraniyu sochineniy i pisem I.S. Turgeneva* [Turgenev collection: Materials for the complete collection of works and letters of I.S. Turgenev]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
10. Berberova, N.N. (1997) *Lyudi i lozhi. Russkie masony XX stoletiya* [People and societies. Russian masons of the 20th century]. Kharkov: Kaleydoskop; Moscow: Progress-Traditsiya.
11. Chulkova, N.P. (ed.) (1938) *Dekabristy* [Decembrists]. Moscow: Izd-vo gos. lit. muzeya.
12. *Pokoyashchiysya trudolyubets*. (1785). 3.
13. Etinger, F.K. (1786) *Bibleyskiy i emblemicheskiy slovar'* [Bible and Emblem Dictionary]. Moscow: [s.n.].
14. Petrovskiy, N.A. (2005) *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow: Russkie slovari: Astrel'.
15. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
16. *Pokoyashchiysya trudolyubets*. (1785) Rassuzhdenie o besporyadkakh, proizvodimyykh strastyami v cheloveke, i o sredstvakh, kakie v takikh sluchayakh upotrebyat' dolzhno [Argumentation about disorders made by men’s passion and about measures to take in such cases]. *Pokoyashchiysya trudolyubets*. 3. pp. 1–55.
17. *Pokoyashchiysya trudolyubets*. (1785) Pis'mo s togo sveta v Moskvu ot Muimiaga k synu malyya zemli Murav'yu, zhivushchemu v Muraveynike [A letter from the other world to Moscow from Muimiag to the small earth son Ant who lives in the Ant hill]. *Pokoyashchiysya trudolyubets*. 3. pp. 213–224.
18. Lotman, Yu.M. (1993) Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [The plots of the Russian novel of the 19th century]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannyye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 3. Tallinn: Aleksandra.
19. Toporov, V.N. (1988) *Strannyi Turgenev. Chetyre glavy* [The Strange Turgenev. Four chapters]. Moscow: RSUH.
20. Tikhomirov, M.N. (ed.) (1965) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 30. Moscow: Nauka.
21. Patriarch Alexy II (ed.) (2012) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 11. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya.

Received: 23 December 2016